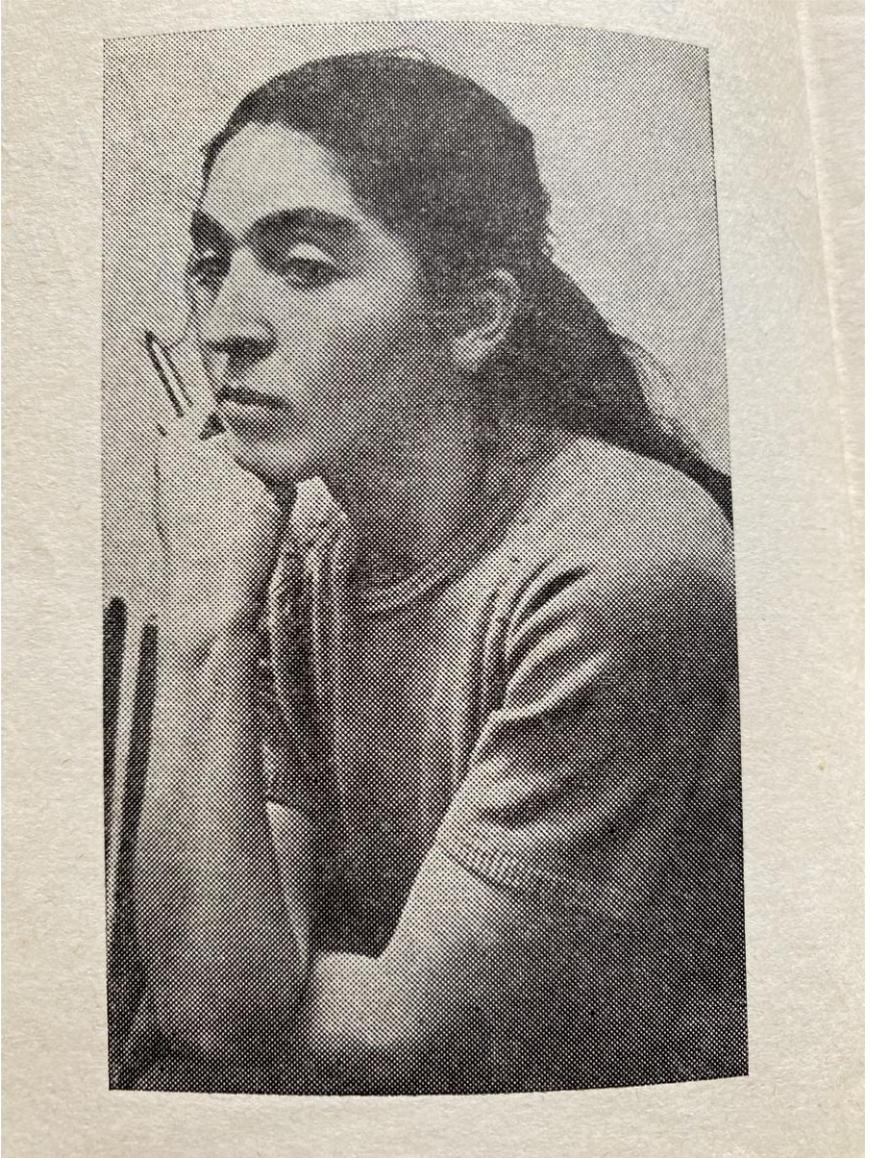

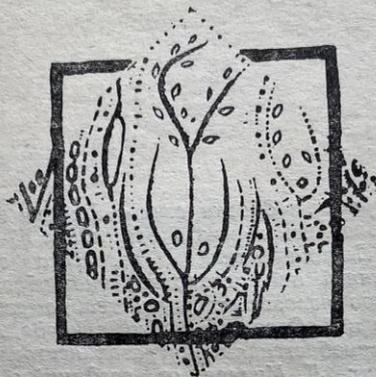
Лариса
Миллер

Безымянный
день

Лариса Миллер

Безымянный
день

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1977

Лариса Миллер

**Безымянный
день**

Стихи

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1977

Р 2

М 60

Первые подборки стихов Ларисы Миллер появились в печати в середине 60-х годов. Лирика поэтессы интересна своей внутренней насыщенностью, многообразием оттенков человеческого чувства, выраженного в ней. Строки о любви, природе, людских приобретениях и утратах неотделимы в стихах Л. Миллер от раздумий о движении времени.

«Безымянный день» – первая книга поэта.

*Стихи, отмеченные в содержании
звездочкой, публиковались до 27 мая 1973 г.*

70402-169

М 164-77

083(02)-77

Содержание

Я в новый день вступаю не спеша...

Что с того, что все уж было...

А воды талые кругом...

Как ручные, садятся на грудь...

Он был студентом, театр любил и книжки... *

Мы, отец, ровесники с тобой... *

Стынут стекла телефонных будок...

Хоть рожден в иные лета...

О жизнь, под говор голубиный...

Легко дышать на вешнем сквозняке...

Теплом опутана как тиной...

Я знаю тихий небосклон... *

Не ждать ни переправы, ни улова...

Совсем одни в большом и неуклюжем...

А у нас ни двора ни кола... *

Горячей галькой к морю выйду...

После бури ночной, на суше...

От маеты, забот и хвори... *

Ни пристаней и ни границ...

Хрустит ледком река лесная... *

Я не иду сегодня на уловки... *

Январский сумрак затяжной...

О, душа твоя... *

Что там – пир ли, затишье ли, плач по кому...

А у меня всего одна... *

Жить на свете, – что может быть проще?..

А лес весь светится насквозь... *

Тусклый свет и робкий танец...

Я верю: все предрешено... *

Для грусти нету оснований... *

И снова я заговорила... *

Мы пойдем, года спустя... *
Позови меня негромко...
И как шар наш земной ни кругл...
Ну вот и мы умудрены... *
Дети, дети, наши дети... *
Завершается все полосой закатной... *
Помоги мне уйти от запутанных троп...
Такая тишь и благодать среди берез...
Осенний дождик льет и льет...
И все равно я буду помнить свет... *
Не спугни. Не спугни...
И вновь, как все века назад...
Пройдет и этот день...
Дней разноликих вьется череда... *
Ну вот и мы внесли свои пожитки... *
Живем на волосок мы от всего на свете...
Все предстоит, лишь предстоит...
И ночью дождь, и на рассвете...
И все же уговор жестокий...
Где ты тут, в пространстве белом?..
Ни горечь, ни восторг, ни гнев...
Все эти солнечные маки июньским днем...
Опять мы днем вчерашним бредим...
Сегодня чёт, а завтра нечет...
Проникнуть в тайны бытия...
О том, что было, не жалея...
Вот и на этом пепелище...
Муза. Оборотень. Чудо...
Ах, все о том же – как пою и плачу...
Нас годы предают...
Каждый шаг с трудом дается...
Все поправимо, поправимо...
И день и ночь, и день и ночь... *
Жизнь побалуует немного... *

Ничего из того, что зовется броней...
Засилье синевы и трав...
Земля покрыта лиственничной хвоей...
Ветер клонит дерева...
Такой вокруг покой, что боязно вздохнуть...
Не знаю. Не узнаю впредь...
И от начала далеко...
Да будет память справедливой...
Лететь, без усталости скользить...
Ты кто, смятенная душа...
Наступают сна неслышной...
Казалось мне, я песнь пою...
Какое странное желанье...
Расклевала горстку дней...
На планете беспредельной...
На заре и на закате...
Погляди-ка, мой болезный...
Просто быть травой, межой...
Учили, кажется, всему...
Жизнь моя – цветочный луг...
Чем кончить и с чего начать...
Так хрупок день – сосуд скудельный...
Покину землю, так и не объяв...
А ветки сквозь осенний дым...
Научи меня простому...
Казалось бы, все мечено...
А там, где нет меня давно...
Творились дивные дела...
Но дали свет. И высветили все...
Пусть манна божия была...
Пела горлица лесная...
За концом, пределом, краем...
О, были б эти сны и бденья...
Когда звучала сонатина...

Ложатся дни, как чуждые слои...

ОРФЕЙ

Пишу – ни строчки на листе...

Наверно, на птичьих правах...

Гуси-лебеди летят...

В час небесного обвала...

Все переплавится. Все переплавится...

Хоть трудны пути земные...

Не подводи черты...

О, разнотравье, разноцветье...

* * *

Я в новый день вступаю не спеша,
Когда луны растает в небе долька,
От холода сробев и не дыша,
В него вхожу по щиколотку только,
Как в реку, что светла и велика;
И наклоняюсь, не пройдя и пяди,
Чтобы коснуться пальцами слегка
Незамутненной неподвижной глади.
Глядит ли кто вослед иль не глядит,
Как ухожу из обжитого края
Минувших дней? И, бликами играя,
Грядущее мне пальцы холодит.
1967

* * *

Что с того, что все уж было,
Что сегодня не впервой
В поле бабочка кружила
Над июньскою травой,

Что на хоженной планете,
Рытой вдоль и поперек,
Прогнозируемый ветер
Клонит к стеблю стебелек.

Все равно пою, тоскую,
Прямо с листьев пью росу
И тебе, пролить рискуя,
Каплю зыбкую несую.
1972

* * *

А воды талые кругом
Светлы, как слезы умиленья.
И впору, бросив зимний дом,
Пуститься в путь без промедленья,
И заплутаться где-нибудь
В лесах за станцией «Лосинка»
И незаметно соскользнуть
С земли, как со щеки слезинка.
1967

* * *

Как ручные, садятся на грудь
Листья дуба и клена.
Что такое наш жизненный путь,
Бесконечно продленный? –
Миллионы концов и начал
В непрерывной цепочке, –
От листа, что сегодня опал,
И до завтрашней почки.
Это цепь бесконечных утрат,
Бесконечных находок,
Это вечно восход и закат
С обещаньем восхода.
Это вечно то сушь, то дожди,
То пустыни, то реки,
Это вечное вслед – "подожди"
Уходящим навеки.
1971

* * *

Он был студентом, театр любил и книжки
Носил очки. Немножко косолапил,
Его ребята величали Мишкой,
А я уже сказать умела «папа».

Потом война. На снимке полустертом
Застыл с улыбкой парень в гимнастерке.
Остались письма, книги и зачетка.
Теперь я знаю и до боли четко:
Мне – жизнь его короткую продлить.
Но что додумать? Что договорить?
1963

* * *

Мы, отец, ровесники с тобой,
Только двадцать три твои – седые,
Надо мной снежинок мягких рой,
Над тобой – наносы снеговые.

Вечер, утро. Между ними – год.
Эта ночь состарена войной.
Тихий снег убитым саван ткет.
Ну, а ты, в землянке продувной,
Тощий, долговязый замполит,
Пьешь с друзьями, обжигая рот,
За грядущий сорок третий год,
Год, в котором будешь ты убит.

Первые минуты января.
Я уже чуть-чуть взрослей тебя.
1964

* * *

Стынут стекла телефонных будок,
На замке газетные ларьки,
Засветились малые мирки,
На земле ни грохота, ни гуда,

Будто не бывало войн и бед.
Слышу, как шуршат страницы,
Вижу, как на мир ложится
От настольной лампы тихий свет.
1965

* * *

Хоть рожден в иные лета
И для новых дел рожден,
К прошлым дням своей планеты
Ты навеки пригвожден.

Попирая землю в пору
Мирных весен, чистых зим,
Дышишь воздухом, в котором
Растворен Треблинки дым.
1974

* * *

О жизнь, под говор голубиный
Веди меня в свои глубины,
Веди меня на свой простор,
Веди со мною разговор
Неиссякаемый и длинный.
Влеки в глухие тайники.
Благословляю все живое –
Любое деревцо кривое,
И горизонт, и тупики,
И омуты, и родники.
Полет, терзанье у развилки,
Биение височной жилки.
Не выпускай моей руки.
Хоть я всего лишь из мирян,
И не пророк, и не предтеча,
Даруй и мне простые речи
Лесов и солнечных полян.
Ничем не стану донимать.
И лишь в одном моя гордыня –
Что жить хочу. Хочу, как ныне,
Во все века тебе внимать.

1974

* * *

«Dahin, dahin!». («Туда, туда!...»)

Гете

Легко дышать на вешнем сквозняке.
В набухших почках даже сук тщедушный.
И дни мои светлы и простодушны,
Как белые стволы в березняке.

Дахин, дахин, – твержу себе, – туда,
Где ранний луч сияет все бесстрашной.
Не меряй завтра горечью вчерашней,
И все дурное сгинет без следа,

Как льда остаток, что лучом согрет.
И оттого лишь на пути заминки,
Что, мять жалея, обхожу травинки,
Едва-едва увидевшие свет.

1974

* * *

Теплом опутана как тиной,
Живу и жмурюсь на свету,
И пух июньский тополиный
Ловлю ладонью на лету,
И речки медленную нитку
Лениво тереблю веслом,
И погибаю от избытка
Тиши и трав на дне лесном,
И сини, и лугов, и пуха,
И бликов на речном песке,
И жду осеннюю разруху,
Чтоб лист висел на волоске.

1965

* * *

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится –.еще секунда,
И твой отходит эшелон?!

И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.
1965

* * *

Не ждать ни переправы, ни улова,
Ни окрика, ни шороха, ни зова.
У леса, у глухого перелеска,
Средь синевы, и тишины, и плеска,
На берегу, колени к подбородку,
Сидеть, следя недвижимую лодку
И слушая полуденные речи
Реки, не прерывая, не перечая.
1966

* * *

Совсем одни в большом и неуклюжем
Пустынном городе с тобою кружим;
Приходим на покинутую площадь,
Где в лужах перья голуби полощут,
На площадь с опустевшими домами,
Как в комнату, где мебель под чехлами;
Блуждаем, переулками кружа,
Владыки города и сторожа;
Для нас одних и тополиный пух,
И птичьи голоса тревожат слух;
Когда же ночь безлунна и крута,
Стеречь нам городские ворота.
1965

* * *

А у нас ни двора ни кола,
Тихо тают в ночи купола.
Тихо таем с тобою в ночи –
Пришлый люд. Ни к кому и ничьи.
Светом в окнах не ждет городок.
Не зовет у причала гудок.
До зари никаких переправ.
Можно где-то меж неба и трав
Привалиться к березе плечом
И не думать совсем ни о чем.
Пересуды, и сборы, и путь –
Все потом. Все потом. Как-нибудь!
Ночь тепла, точно ворох пера.
Все потом. Как пойдут катера.

Плещ, 1966

* * *

Горячей галькой к морю выйду,
И прах земной, и жар, и гнет,
И боль, и праздность, и обиду
Смывают волны горьких вод.

И жизнь из суток не края,
Живу. Ступни ласкает тина.
И все сомкнулось воедино,
Как моря и небес края.

Коктебель, 1966

* * *

После бури ночной, на суше
Груда щеп, черенок от груши,
В липких водорослях полено,
На песке бахромою пена,
Створки мидий, клешни кусок
Да русалочий волосок.

Коктебель, 1966

* * *

От маеты, забот и хвори,
Раздвинув дни, я улизну,
Как между планками в заборе,
И, окунувшись в тишину,
У осени по самой кромке,
Где листьев ржавые обломки
Покрыты коркой ледяной,
Пройду и стану тишиной.
1965

* * *

Ни пристаней и ни границ,
Ни колоколен, ни бойниц,
Ни слуг, ни голи, ни элиты.
В степной траве – надгробий плиты.
И обнажают стен остатки
Одну лишь тайну – тайну кладки.
1966

* * *

Хрустит ледком река лесная,
И снег от солнца разомлел...
А я опять, опять не знаю,
Как жить на обжитой земле.

Опять я где-то у истока
Размытых мартовских дорог,
Чтоб здесь, не подводя итога,
Начать сначала, – вот итог.
1965

* * *

Я не иду сегодня на уловки,
Чтоб обогнать спешащих впереди.
Шатаюсь по заезженной Петровке,
Где лес витрин, прохожих – пруд пруди,
Где до всего на свете каждый падох,
И ни один не обойден лоток,
И плод лоточный как эдемский сладок,
И бесконечен страждущих поток.
И в том потоке я шатаюсь праздно
Средь сотен душ. Со мною – ни души.
И постигаю города соблазны,
Как девочка, что родом из глуши.
И суетных страстей своих не прячу,
И растворяюсь в сутолоке дня,
И чувство ожидания удачи
Вселяется невидимо в меня.
1967

* * *

Январский сумрак затяжной,
Сугробы хрустки, как суставы,
И тянутся по Окружной
Запорошенные составы.

Снега, как дни мои, несметны.
Я в этом мире – на века.
Но снег стряхну с воротника
И в дом войду. И снова – смертна.
1966

* * *

Маме

О, душа твоя. Дым да завал,
После бала неприбранный зал.
Кто здесь не был, не грелся и не пил,
Рассыпая рассеянно пепел.
А тебе убирать недосуг,
Ни охоты, ни сил и ни слуг.
Ты не мучься и не разбирай,
Только сдвинь все легонько на край,
Только место освободи
Для всего, что еще впереди.
1966

* * *

Что там – пир ли, затишье ли, плач по кому –
У тебя, у меня, в том незримом доме,
Где надежда, что лампа на ветхом шнуре,
Светит ночью и в тусклые дни на заре,
Где живет и живет по дремучим углам
Давних встреч и разлук неразобранный хлам,
Где тоска оседает бесшумно, как пыль,
Где на равных правах сновиденья и быль,
Где, пока бытия не оборвана нить,
Ни раздать ничего, ни продать, ни сменить.
1967

* * *

А у меня всего одна
Картина в рамке побеленной:
Июньский день и сад зеленый
В квадрате моего окна.
...И дуба тень. И дома тыл.
Забор. А ниже, где художник
Поставить подпись позабыл, –
Омытый ливнем подорожник.
1967

* * *

Жить на свете, – что может быть проще? –
И в июньской полуденной роще
Меж стволами бродить и бродить
И, беседы утративши нить,
Все брести, не заметив молчанья,
В сонной роще, где вечно качанье
И поскрипыванье ствола
И на землю стекает смола.
1969

* * *

А лес весь светится насквозь –
Светлы ручьи, светлы березы,
Светлы после смертельной дозы
Всего, что вынести пришлось.
И будто нет следов и мет
От многих смут и многой крови,
И будто каждая из бед
На этом свете будет внове.
Вот так бы просветлеть лицом,
От долгих слез почти незрячим,
И вдруг открыть, что мир прозрачен
И ты начало звал концом,
И вдруг открыть, что долог путь –
И ты тогда лишь не воспрянешь,
Когда ты сам кого-нибудь
Пусть даже не смертельно ранишь.
1971

* * *

Тусклый свет и робкий танец
Облетевшего листа.
В мире все об эту пору
Уже розданы места.
Всяк при деле, всяк при деле,
И пылают очаги,
И работают усердно
Все на свете рычаги.
Всяк спешит своей дорогой
И гремит своим ключом.
Ну а тем, кто за порогом,
Кто остался ни при чем,
Кто остался там, за зоной
Доброй снеди и тепла, –
Запустелые газоны,
Листья, жженные до тла.
1969

* * *

Я верю: все предрешено
И весь наш путь, что крут и сложен,
Не знаю кем давным-давно
Подробно на листе изложен.

И как ни бейся среди стен,
Ни верь в спасительность отсрочки,
Проставлены на том листе
Все вехи до последней точки.

Но если непогожим днем
Пришлют мне этот лист в конверте,
Будь даже о бессмертье в нем,
Он станет приговором к смерти.
1966

* * *

Для грусти нету оснований,
Кочуем в длинном караване
Всех поколений и веков,
Над нами стая облаков,
А перед нами дали, дали.
И если полюбить детали,
Окажется, что мы богаты
Восходом, красками заката,
И звуками, и тишиной,
И свистом ветра за стеной,
И тем, как оживают листья
Весной. И если в бескорыстье
Земных поступков наших суть,
Не так уж тяжек этот путь.
1969

* * *

И снова я заговорила
Тогда, когда молчать бы надо.
Какая-то глухая сила
Велит мне третьи сутки кряду
Искать слова и все, что ныло,
Бумаге поверять без толку.
Когда всего-то надо было
Лишь выплакаться втихомолку.
1968

* * *

Мы пойдем, года спустя,
Что всерьез, а что шутя,
И когда рыдать ночами,
И когда пожать плечами.

А пока слова лихие
Часто трогают до слез,
А пока глаза сухие,
Когда худо нам всерьез.

А пока все криво-косо,
И неприбрано в душе,
И туманно, как набросок,
Как этюд в карандаше.

А когда, взглянув назад,
Вдруг пойдем, что сор, что клад,
На дворе, наверно, будет
Наш последний листопад.
1969

* * *

Позови меня негромко.
Голубого неба кромка
Показалась в серый день.
Позови туда, где ломкий
Лед хрустит и снег бахромкой
Лег на ветви, куст и пень.
Позови смотреть на дали.
Все давным-давно сказали
Мы друг другу. Ты да я.
Мы пойдем с тобой в иные,
молчаливые края,
Где значенье в каждом хрусте,
И спастись нельзя от грусти
В хороводе слов и дел,
И никем не обозначен
нашего пути предел.
1969

* * *

И как шар наш земной ни кругл,
Все же ищем на нем мы угол,
Чтоб хранить там тряпье, посуду,
Старых книг и привычек груду,
И причуды, и ахи, вздохи,
Пуд обид и надежды крохи,
Чтоб ступить, когда мир кренится,
На обжитую половицу.
1968

* * *

Ну вот и мы умудрены,
И мы познали груз вины,
И гнет любви, и вкус страдания,
И горечь позднего свиданья,

И жизни праздной благодать,
И полный тягот год недужный,
И знаем, чего стоит ждать,
И знаем, чего ждать не нужно.

И, боже, как прекрасно жить
Вот так, с открытыми глазами,
Умея пренебречь азами
И не боясь утратить нить.

Какой бывает тишина
И как она взрываться может,
Когда душа искушена,
Когда кусок немалый прожит,

Когда знакомо все кругом –
Листа осеннего прожилки,
Пушок у сына на затылке
И лестница при входе в дом.

И я, распахивая дверь
И точно зная, что за нею
Ждала вчера и жду теперь,
В нее вхожу, благоговей.

1970

* * *

Дети, дети, наши дети,
Руки – тоненькие плети,
Шейка – слабый стебелек,
Путь ваш длинен и далек.
Уберечь бы вас, да как,
От обид и передряг.
Лето, осень. День да ночь, –
Улетите гордо прочь
В неизвестность, в темноту,
Напевая на лету.

1970

* * *

Завершается все полосой закатной –
И уклад многолетний, и риск многократный,
И любовь, и раздолье, и праздник, и встреча.
...Свод небесный багряною краской расцветен.
И чем ближе к закату, чем ближе к развязке,
Тем тревожней тона, тем багровее краски.

1970

* * *

Помоги мне уйти от запутанных троп,
Непролазных завалов, дремучих чащоб,
Опостылевшей битвы за каждую пядь.
Дай мне дверь и порог – буду дом охранять.

На одной из дорог отыщи, помани –
Стану преданным другом на долгие дни.
Буду сон твой хранить и не спать до зари,
Ни на шаг не уйду от привычной двери.

Чтобы новой тропы не распутывать нить,
И не выть на луну, и тебя не будить.
1967

* * *

Такая тишь и благодать среди берез,
Что верить в бренность и судьбу нельзя
всерьез.
Зелено-желто-голубые дни пестры,
И на опушках вечерами жгут костры.
И ни сомнений, ни трагедий, ни разлук –
А только влажный от росы вечерний луг,
И только ночи, что теплы и коротки,
И станционные далекие гудки.
1969

* * *

Осенний дождик льёт и льёт –
Уже и ведра через край,
Не удержать – все утечет.
И не держи – свободу дай.
Пусть утекают воды все,
И ускользают все года –
Приснится в сушь трава в росе
И эта быстрая вода.
В промозглую пустую ночь
Приснится рук твоих тепло.
И этот миг уходит прочь.
И это лето истекло.
Ушла, позолотив листья,
И эта летняя пора,
Прибавив сердцу чистоты,
Печали, нежности, добра.
1971

* * *

И все равно я буду помнить свет.
И в пору тьмы и на пороге смерти
Я не скажу, что в мире света нет,
А если и скажу, то мне не верьте.
Сплошная тьма у самого лица.
Но стоит сделать два нетвердых шага,
И вот уж под лучом струится влага
Какого-то лесного озера.
Мираж и сон? Воображенья плод?
И ночь кругом, и свет совсем не брезжит;
Но значит, где-то день, и солнце нежит,
И огненно настурция цветет.
1971

* * *

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах –
Вот еще один взмах, и еще один взмах –
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами;
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе, и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность –
Все неважно, когда есть безмерная нежность.
Мы не снегом – небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это былью.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только
проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятный
В этой снежной ночи на земле необъятной.
1971

* * *

И вновь, как все века назад,
Белым-бело, пустынно, глухо,
Ничто не остановит взгляд,
Ничто не потревожит слуха,
Нигде ничей не вьется след,
А только матовый и ровный
Невозмутимый льется свет
С небес на этот мир огромный,
Где не было еще никак
Совсем – ни хорошо, ни плохо –
Где только будет – вздох и шаг
И облачко у губ от вдоха.

1971

* * *

Пройдет и этот день,
В небытие он канет.
Кого-то исцелит,
А чью-то душу ранит,
И кто-то поутру
Пробудится от блика,
А кто-то, может быть,
От собственного крика.

1968

* * *

Дней разноликих вьется череда,
Приходит срок – пустеют города
Улыбок, встреч и долгих разговоров,
Согласья тихого и молчаливых взоров.
Но я земли не уступлю ни пяди
В том нежилом и опустевшем граде,
И не сожгу его, и не разрушу, –
И ничего, что было, не нарушу.
Он будет мною охраняем свято.
Я помню краски каждого заката.
Я буду приходить туда в мечтах,
Распугивая оголтелых птах,
За долгий срок привыкших к запустенью,
И, наклоняясь к каждому растению,
Касаться лепестков в знакомых крапах
И медленно вдыхать забытый запах.
1971

* * *

Ну вот и мы внесли свои пожитки
В огромный дом, где было все в избытке
Еще до нас, где гибли и цвели,
В любви клялись и клятву нарушали,
Впадали в ересь, берегли скрижали
И верили, что лучшее вдали.
Но что нам тяжкий опыт всех веков
И знание иных тысячелетий,
Когда мы снова не находим слов
И немые, точно первые на свете,
Перед лицом и счастья, и утрат.
И в доме, что Овидий и Гораций
Воспели и оплакали стократ,
Как братья за перо? И как не братья?
1971

* * *

Живём на волосок мы от всего на свете,
Но прочен волосок, и мы давно не дети.
Давно не так нежны, податливы и хрупки, —
Обдуманы слова и взвешены поступки.
И лишь в ночном бреду свершает дух наш
вольный
Любой желанный шаг, и дикий и крамольный:
И мы в слезах летим в зааретные объятья,
И мы кому-то шлем безумные проклятья,
И с кем-то рвем навек, кому-то гладим руку,
И поверяем всю тоску свою и муку,
Волнуясь и спеша. До мига пробужденья
Диктуют волю нам порывы, побужденья.
1971

* * *

Все предстоит, лишь предстоит.
И этот путь еще не начат.
И в нас еще ничто не плачет,
Не стонет, душу не томит.
Покуда где-то вдалеке
То, с чем немыслима разлука,
Из тех краев пока ни звука.
И мы легки и налегке.
И никаких не знаем уз,
И никаких не знаем тягот
Из тех, что нам на плечи лягут,
Наш с миром сим скрепив союз.

...К такой поре, к тем давним нам
Теперь испытываю зависть:
Тогда лишь предстояла завязь
И чаша лишь плыла к губам.
А нынче пьем и жаль глотка,
Поскольку не бездонна чаша,
И бесконечно коротка
Превратная дорога наша.
1971

* * *

И ночью дождь, и на рассвете,
И спят благословенно дети
Под шепоток дождя.

Покуда тишь и дождь как манна
Идет с небес – все безымянно
Окрест. А погода

Вновь обретет и знак, и дату
И двинется опять куда-то,
Неведомо куда.

И распадется, раздробится
На силуэты, жесты, лица,
Миры и города.
И станет зыбким и конечным
Все то, что достояньем вечным
Как будто быть должно.

И будут новые потери
Нас укреплять в нелепой вере,
Что так заведено.

Устав от собственного ига,
Мы будем ждать иного мига,
Напрягши взор и слух

И позабыв за ожиданьем,
Что мы владеем мирозданьем
И что бессмертен дух.

1971

* * *

И все же уговор жестокий –
Не оглянуться на истоки,
На тропку, смятую пятою,
На прошлое, на прожитое,
На прежний сад, на прежний дом,
На преданный огню Содом
Не поглядеть в немой печали,
Чтоб ангелы не осерчали,
Когда все те, что в вечность канут,
Вослед глядят и руки тянут,
С тоской по имени зовут...
И можно ли найти приют,
Покой, уйдя к иным просторам
И не простившись даже взором?
1971

* * *

Где ты тут, в пространстве белом?
Всех нас временем смывает,
Даже тех, кто занят делом —
Кровлю прочную свивает.
И бесшумно переходит
Всяк в иное измеренье,
Как бесшумно происходит
Тихой влаги испаренье,
Слух не тронув самый чуткий;
Незаметно и невнятно,
Как смещаются за сутки
Эти солнечные пятна.
Где ты, в снах своих и бденье?
В беспредельности пространства
Только видимость владенья,
Обладанья, постоянства.

1971

* * *

Ни горечь, ни восторг, ни гнев
И ни тепло прикосновений.
Лишь контуры домов, дерев,
Дорог, событий и явлений.
У тех едва заметных рек,
Тех еле видимых излучин
Еще и не был человек
Судьбою и собой измучен.
И линией волосяной
Бесплотный гений лишь наметил
Мир, что наполнен тишиной,
Без шепота и междометий.
Да будут легкими штрихи,
Да будет вечным абрис нежный
И да не знать бы им руки,
Излишне пылкой иль прилежной.
Да научиться бы войти
В единый мир в час ранней рани,
Не покалеча по пути
Ни малой черточки, ни грани.
1971

* * *

Все эти солнечные маки июньским днем,
Все эти явственные знаки, что мы живем.
И что с того, что жить дано нам от сель до
сель?
Дана и эта с тихим лоном река-купель.
Ни чуждых благ, ни чуждой муки, ни чуждых
вод –
Объять бы то, что прямо в руки само плывет.
Не преступить ничьих владений и жить, поправ
Лишь листьев зыблемые тени да стебли трав.
1972

* * *

Опять мы днем вчерашним бредим,
Тем, что неслышим и незрим,
Минувшее сквозь память цедим,
Минувшего вдыхаем дым
И в то, что ливнями размыто,
Ветрами порвано в клочки, –
Во все, что жито-пережито,
Глядим, как в темные зрачки:
И блещут высохшие реки,
Давно угасший луч игрив,
Пока не опустились веки,
Зрачки бездонные прикрыв.
1971

* * *

Сегодня чёт, а завтра нечет, –
Нам пташка божия щебечет,
На землю глядя свысока, –
Мол, все течет, и жизнь – река,
Сегодня так, потом иначе,
А значит, нет причин для плача,
И миг любой, как лист с дерев,
Проносится, едва задев.
Едва задев, летит мгновенье...
Под этот свист, под это пенье
Идем, свершая путь свой крестный,
Походкою тяжеловесной,
Приемля все, что день принес,
И близко к сердцу, и всерьез.
1971

* * *

Проникнуть в тайны бытия –
Желанье дерзкое какое.
Мир и в движенье, и в покое
Пребудет, главное тая.
Нам оставляя сто личин,
Сумятицу причин и следствий,
И хоровод пиров и бедствий,
И цепь рождений и кончин.
Сегодня сер он, точно прах,
А завтра весь он – нараспашку,
И дарит белую ромашку
С росинками на лепестках.
1971

* * *

О том, что было, не жалей,
Утешься белизной полей
И белизной грядущих дней.
А впрочем, самому видней,
О чем жалеть и не жалеть,
Что позабыть и чем болеть.
И думы эти не затем,
Чтоб истерзать себя совсем,
А чтоб всему, что рвется прочь
Из наших рук и день и ночь
В простор печально-голубой,
Сказать: «Ступай. И бог с тобой».
1971

* * *

Вот и на этом пепелище
Возникнет новое жилище.
Иди же, не сбавляя шаг,
Тки дальше нити жизни вечной
И не держись, сверчок запечный,
За свой разваленный очаг.
Жизнь не выносит проволочек
И гонит прочь живой комочек
От стен сгоревших в край жилой,
Маня и красками и пенъем,
Грозя оставшимся забвеньем
И погребеньем под золой.
1971

* * *

Муза. Оборотень. Чудо.
Я тебя искала всюду.
Я тебя искать бросалась –
Ты руки моей касалась.
Ты всегда была со мною –
Звуками и тишиною,
Талым снегом, почкой клейкой,
Ручейка лесного змейкой.
Без тебя ломала руки,
Ты ж была – мои разлуки,
Смех и слезы, звук привета,
Мрак ночной и столбик света,
Что в предутреннюю пору
Проникает в дом сквозь штору.
1972

* * *

Ах, все о том же – как пою и плачу,
Как улыбаюсь, как улыбку прячу,
И про тоску свою и про смятенье,
А если о чужом полночном бденье
И о чужой улыбке и судьбе –
То все равно и это о себе.
1969

* * *

Нас годы предают,
Нас годы предают,
Нас юность предает,
Которой нету краше;
И птицы, и ручьи
Весенним днем поют
Не нашу благодать,
Парение не наше.

Лети же, юность, прочь.
Я не коснусь крыла
И не попомню зла
За то, что улетела.
Спасибо, что была,
Спасибо, что вольна –
И улетела прочь
Из моего предела.

И я учусь любить
Без крика «подожди!»,
Хоть уходящим вслед
С отчаяньем гляжу я.
И я учусь любить
Весенние дожди,
Что нынче воду льют
На мельницу чужую.
1972

* * *

Каждый шаг с трудом дается,
А тропа моя все вьется,
Убегает от крыльца,
Будто нету ей конца,
Будто нету мне предела,
И душа, покинув тело,
Станет каплей дождевой
Иль былинкой полевой
Или звонкой песней вешней
Снова в край вернется здешний.
1972

* * *

Все поправимо, поправимо.
И то, что нынче горше дыма,
Над чем сегодня слезы льем,
Окажется прошедшим днем,
Полузабытым и туманным
И даже, может быть, желанным.
И будет вспоминаться нам
Лишь белизна оконных рам
И то, как в сад окно раскрыто,
Как дождь стучит о дно корыта,
Как со скатерки лучик ломкий
Сползает, мешкая на кромке.
1972

* * *

И день и ночь, и день и ночь
Я вижу дальних крыльев трепет
И слышу отдаленный лепет
Всего, что улетает прочь.

И не могу остановить
И взять, как бабочку, за крылья,
И бесполезны все усилья,
И безнадежно рвется нить.

А если б даже и могла,
Кому нужна такая доля –
Сжимать два бьющихся в неволе,
Два рвущихся из рук крыла?
1972

* * *

Жизнь побалует немного –
Я хочу и дальше так:
Чтоб светла была дорога,
Чтоб незыблем был очаг,
Где желанна и любима,
Где душа легко парит,
Где под окнами рябина
Чудным пламенем горит.
1972

* * *

Ничего из того, что зовется броней, –
Ни спасительных шор, ни надежного тыла...
Как и прежде, сегодня проснулась с зарей
Оттого, что мучительно сердце заныло,
То ль о будущем, то ли о прошлом скорбя.
...А удачи и взлеты, что мной пережиты,
Ни на грош не прибавили веры в себя,
Но просеялись будто сквозь частое сито.
Так и жить, как в начале пути, налегке.
Неприкаянность эту с тобою поделим.
Тополиная ветка зажата в руке.
Вот и руки так горько запахли апрелем.
1973

* * *

Засилье синевы и трав.
И ветер, веткой поиграв,
Стихает сонно.
И все вокруг – чудесный сплав
Того, что сгинет, прахом став,
И что бездонно.
И даже малый лепесток –
Итог явлений и исток.
И жизнью брэнной
Мы вносим свой посильный вклад
В не нами созданный уклад
Земли нетленной.
А вся земля белым-бела,
Роняют пух свой тополя,
И меж стволами,
Покинув брэнные дела,
Летают души и тела,
Шурша крылами.
1973

* * *

Земля покрыта лиственничной хвоей.
Тускнеет свет. Пора платить с лихвою
За все, чем был и счастлив, и богат.
И улетает горсткой листьев шалых,
Несомых вдоль заборов обветшалых,
Все то, чего нельзя вернуть назад.
Нелепо плакать о погибшей кроне.
Нелепо жить, боясь разжать ладони,
Все отдаю – ни слова поперек.
Все отдаю, хоть я терять устала.
Но лишь хочу во что бы то ни стало
Сберечь надежды малый стебелек
И веру в поступательность движенья,
В осмысленность побед и пораженья
И в то, что жизнь скорее дар, чем гнет.
И если я лишусь подобной веры,
Пусть и меня в несчастный полдень серый
Осенним ветром с этих троп сметет.
1973

* * *

Ветер клонит дерева.
Пробивается трава,
Пробиваются слова
Точно из-под спуда.

Хоть и девственна трава,
Да затасканы слова
Про земное чудо.

Все воспето до клочка,
До зеленого сучка,
Что колеблем птахой.

Что слова? Молчком живи,
Словом бога не гневи,
Вешний воздух ртом лови
Да тихонько ахай.
1973

* * *

Такой вокруг покой, что боязно вздохнуть,
Что боязно шагнуть и скрипнуть половицей.
Зачем сквозь этот рай мой пролегает путь,
Коль не умею я всем этим насладиться.
Коль я несу в себе сумятицу, разлад,
Коль нет во мне конца и смуте и сомненью,
Сбегаю ли к реке, вхожу ли в тихий сад,
Где каждый стебелек послушен дуновенью.
Вокруг меня покой, и детская рука
Привычно поутру мне обвивает шею.
Желаю лишь того, чтоб длилось так века.
Так почему я жить, не мучась, не умею?
И давит и гнетет весь прежний путь людской
И горький опыт тех, кто жил до нас на свете,
И верить не дает в раздолье и покой
И в то, что мы с тобой избегнем муки эти;
И верить не дает, что наша благодать
Надежна и прочна и может длиться доле,
Что не решит судьба все лучшее отнять
И не заставит вдруг оцепенеть от боли.
1973

* * *

Не знаю. Не узнаю впредь,
Зачем живу на белом свете
И для чего мгновенья эти
Опять стремлюсь запечатлеть.

Неужто плачу и пою,
Приемлю и дары и муки,
Чтобы однажды чьи-то руки
Перелистали жизнь мою?
1973

* * *

И от начала далеко.
И до конца еще далёко.
И ни предела, и ни срока,
И жить просторно и легко.

Голубизна, и ширь, и высь,
И путь ничем не ограничен,
И шорох листьев с пеньем птичьим
В одну мелодию слились.

Держать бы в памяти всегда,
Что мир огромен и чудесен,
И эту лучшую из песен
В себе нести через года.

Держать в уме, что мир велик
И жизнь бездонна, хоть и шаток,
Неудержим, конечен, краток
Бездонной жизни каждый миг.
1973

* * *

Да будет память справедливой.
Не даст забыть, как рдел над нивой
Минувшим летом алый мак.
Не даст забыть, как солнце рдело,
Как обо мне судьба радела
И подавала добрый знак.
Не даст забыть в кромешном мраке
Те полыхающие маки.
И, долгой тьмы нарушив гнет,
Любой из них, давно истлевший,
Вдруг нестерпимо заалевши,
На черный день мой свет прольет.
1973

* * *

Лететь, без устали скользить
По золотому коридору.
И путеводна в эту пору
Осенней паутины нить.
И путеводен луч скупой,
И путеводен лист летучий.
И так живет, будто случай
Уже не властен над судьбой.
Принесена с лихвою дань
Страстям, превратностям, порывам.
И если держит терпеливо
Своих детей земная длань,
То, значит, существует час,
В который то должно свершиться,
Что превращает в лики лица
И над судьбой подъемлет нас.
1973

* * *

Ты кто, смятенная душа,
И кто тебе велит скитаться
Средь лип и кленов и акаций,
Дорожным гравием шурша.

Велит без усталости шептать
Невнятные чудные речи,
Ладонь незримую на плечи
Кладет, ведя и вкось и вспять.

Кто эту сладость, боль – бог весть –
Придумал для тебя, чтоб снова
Всего лишь немощное слово
Ты смог в итоге произнести,

Придумал вдохновенья дрожь.
Ведь то, что мнится мессой строгой,
Быть может, песенкой убогой
Спустя мгновенье назовешь.

Но твой еще восторжен лик,
И, может, суть всего явления
Вот этот – то ли озаренья,
То ль помраченья краткий миг.
1973

* * *

Наступают сна неслышной
Снегопада времена
Невесомые всевышний
Густо сеет семена.
И кружится нам на зависть,
Не страшась судьбы своей,
Белый снег, едва касаясь
Крыш, заборов и ветвей;
И зовет забыть усердые,
Пыл, отчаянье и страсть,
Между облаком и твердью
Тихо без вести пропасть.
1973

* * *

Казалось мне, я песнь пою
Про счастье и про боль свою,
Про маету и душ и тел, —
А это дождик шелестел.
Казалось, песнь моя нова, —
А это пели дерева.
Казалось, в песне всхлип и стон, —
А это был лишь лепет крон...
Гремели дальние грома,
И только я была нема.
1975

* * *

Какое странное желанье –
Цветка любого знать названье,
Знать имя птицы, что поет.
Как будто бы такое знанье
Постичь поможет мирозданье
И назначение твое.

Не все ль равно, полынь иль мята
На той тропе ногой примята,
Не все ль равно? В одном лишь суть –
Как сберегаем то, что свято,
Когда с заката до заката
Незримый совершаем путь.

Не все ль равно, гвоздика, льнянка
Растут в пыли у полустанка,
Где твой состав прогромычал?
В одном лишь суть – с лица ль, с изнанки
Увиден мир, где полустанки,
Гвоздики и полоски шпал.

Не все ль равно?.. И все же, все же
Прозрачен мир и не безбожен,
И путь не безнадежен твой,
Коль над тобою сень сережек,
И травы вдоль твоих дорожек
Зовутся «мятлик луговой».
1975

* * *

Расклевала горстку дней.
Бог послал другую.
Души, коих нет родней,
Чутко стерегу я.
Только я никчемный страж.
Нет в дозоре проку.
Не подвластна жизни блажь
Бдительному оку.
Над ребенком, как всегда,
Тихо напеваю.
На счастливые года
Втайне уповаю.
И витает мой напев
Над младенцем сонным,
Растворяясь меж дерев
В мареве бездонном.
1974

* * *

На планете беспредельной
Два окошка над котельной.
Это – дом давнишний мой.

В доме том жила ребенком.
Помню ромбы на клеенке.
Помню скатерть с бахромой.

Скинув валики с дивана,
Спать укладывали рано.
И в умолкнувшем дому

Где-то мыслями витала
И в косички заплетала
На скатерке бахрому.

Мне казались раем сущим
Гобеленовые кущи –
Пруд, кувшинки, камыши,

Где, изъеденные молью,
Меж кувшинок на приволье
Плыли лебеди в тиши.

Стало пылью, прахом, тленом
То, что было гобеленом
С лебедями. Но смотри –

По стеклу стучат ладошки.
А войдешь – стоят галошки
С байкой розовой внутри.

1975

* * *

На заре и на закате
Хлопочу вокруг дитяти.
Такова моя стезя,
И с нее сойти нельзя.
Разноцветными лужками
Ходим мелкими шажками.
И когда земля бела,
Длится та же кабала.
Кабала ли, рай ли божий,
Только ты меня стреножил.
И теперь, мое дитя,
Тают дни, как снег летя.
Для тебя я свет добуду,
Даже если темень всюду,
Можно ль думать о конце
При лепечущем птенце?
Можно ль думать об упадке,
Если рядом жизнь в зачатке?
День, как школьная тетрадь,
Разлинованная гладь.
В сети поймана с рассвета,
И такого часа нету,
Чтоб свою святую сеть
В одиночестве воспеть.
1975

* * *

Погляди-ка, мой болезный,
Колыбель висит над бездной,
И качают все ветра
Люльку с ночи до утра.
И зачем, живя над краем,
Со своей судьбой играем,
И добротный строим дом,
И рожаем в доме том.
И цветет над легкой зыбкой
Материнская улыбка.
Сполз с поверхности земной
Край пеленки кружевной.
1976

* * *

Просто быть травой, межой,
Снега белого щепотью.
Тяжко быть живою плотью
С уязвимою душой.

Белым облаком витал,
Был ты птичьей песней звонкой
До того, как стал ребенком,
До того, как плотью стал?

Как хочу я, как хочу,
Чтобы были все невзгоды
Нипочем тебе, как водам,
Ветру, воздуху, лучу.
1974

* * *

Учили, кажется, всему
И опекали, опекали;
И в обжитом живу квартале,
И в обжитом живу дому,
И все как будто под рукой.
Но тяжело, как первопроходцу,
Который в одиночку бьется
И мерзлый пласт долбит киркой.
1976

* * *

Жизнь моя – цветочный луг.
Под ногою стебли гнутся.
Жизнь моя – порочный круг,
Неспособный разомкнуться.
Жизнь моя светла, длинна –
Сто дорог шагами меряй.
Жизнь моя – порог, стена,
Заколоченные двери.
Гнет и праздник – жизнь моя.
Дар и гнет. И небосвода
Моего светлы края
В час заката и восхода.
1975

* * *

Чем кончить и с чего начать
И чем заполнить середину?
Заря иль полночь – все едино,
На всем усталости печать.
Аз есмь... Но полно, что за вздор,
Когда ни страсти и ни рвения,
Ни пыла и ни вдохновенья
Лететь в распахнутый простор;
Когда ни ветка и ни луч
Не подают мне тайных знаков,
И каждый день мой одинаков –
Без бурь, без всплесков и без круч.

Аз есмь – когда благую весть
Несут в себе любые миги,
Когда сулят любые сдвиги
Лишь лучшее, чем то, что есть.
Еще остался на губах
Вкус тех времен совсем недавних,
Но наглухо закрыты ставни,
А там за ними крыльев взмах.
А там в предутренней тиши
Витает песня зарева.
Но я ее не прозреваю
В потемках собственной души.
1974

* * *

Так хрупок день – сосуд скудельный.
И, бредя далью запредельной,
Летят по небу облака.
Хоть ощутима твердь пока,
Но ей отпущен срок недельный.
И с талым льдом сойдет на нет
Все то, под чем таятся хляби,
И будет вешней водной ряби
Неуловим и зыбок цвет.
По шалым водам поплывут
Жилища, изгороди, щепки,
И облака невнятной лепки.
И распадется наш уют.
И сгинут кровля и порог.
Взамен устойчивой опоры
Придут текучие просторы
Без верной меты, без дорог.
1974

* * *

Покину землю, так и не объяв
Всего, что есть прекрасного на свете.
Быть может, донесет однажды ветер
Шум дальних вод и шелест дальних трав.
Привычное улавливает слух.
Привычное окидываю взором.
Но если я тоскую по просторам,
То лишь по тем, где окрыленный дух
Поэта пребывал, когда с пера
Текла строка: «Пора, мой друг, пора...».
1974

* * *

А ветки сквозь осенний дым
Торчат, как ребра у худышки,
По ветру пущены излишки,
И только остов невредим.
И света и тепла – в обрез.
И редкий дар – покой и воля.
И слова не весят боле.
И время обретает вес.
И миг слетает, тих и нем,
Незримо на плечо садится,
Чтоб воплотить и воплотиться,
Переставая быть ничем.
Верней, переставая быть
Запасом времени, простором,
Далекой далью – тем, что взором
Не угадать, не охватить.
1974

* * *

От жажды умираю над ручьем...
Франсуа Вийон

Научи меня простому –
Дома радоваться дому,
Средь полей любить простор,
И тропу, какой ведома
По низинам, в гору, с гор.

Но кого прошу? Ведь каждый,
Может статься, так же страждет.
Что ж прошу я и о чем,
Если ближний мой от жажды
Умирает над ручьем?
1975

* * *

Казалось бы, все мечено,
Опознано, открыто,
Сто раз лучом просвечено,
Сто раз дождем промыто.
И все же капля вешняя,
И луч, и лист случайный,
Как племена нездешние,
Владеют речью тайной.
И друг, всем сердцем преданный,
Давнишний и привычный, –
Планеты неизведанной
Жилец иноязычный.
1975

* * *

А там, где нет меня давно,
Цветут сады, грохочут грозы,
Летают зоркие стрекозы
И светлых рек прозрачно дно;
И чья-то смуглая рука
Ласкает тоненькие плечи.
Там чей-то рай, там чьи-то встречи.
О юность, как ты далека!
Вернуться в твой цветущий сад
Могу лишь гостем, чтоб в сторонке
Стоять и слушать щебет звонкий
И улыбаться невпопад.
1975

* * *

Творились дивные дела:
На свете яблоня цвела.
Затем, венчая вечный круг,
Звучал созревших яблок стук.

Венчая круг, кончая кон,
Менялся цвет осенних крон.
О, быть бы в силах, как листва,
Жить по законам естества;
Прошелестеть и точно в срок
Слететь бесшумно, как листок,
Того не зная, что летим,
И этот путь необратим.
1975

* * *

Но дали свет. И высветили все.
И там, где тени робкие скользили
И таяли, видна лишь горстка пыли,
Которую по ветру унесет.

Где жили. блики и полутона,
Где было все оттенком и намеком
И тайною, – там нынче перед оком
Белесая и плоская стена.

Проставлены все точки до одной.
Все понято буквально и дословно
При свете немигающем и ровном,
Спугнувшем тайну с плоскости земной.
1975

* * *

Пусть манна божия была
Всего лишь видом тамариска,
И не по божьей воле низко
Летали те перепела,
Не бил родник в горе Хорив,
И не бывало броду в море, –
Но есть и было – гнев, и горе,
И озаренье, и порыв,
И вера в чудо. Мир наш пуст,
Бесцветен, если умирает
В нем вещий голос и сгорает
Таинственно горящий куст.
1975

* * *

Пела горлица лесная.
Над костром струился дым.
Сладко жить, цены не зная
Дням просторным, золотым;

Жить, как должное приемля,
Что ласкают небеса
Невесомой дланью землю,
Горы, доли и леса.

Сладко жить... И все же слаще,
Будь ты молод или стар,
Каждый луч и лист летящий
Принимать как редкий дар.
1975

* * *

За концом, пределом, краем,
За чертой, где умираем,
Простираются края,
Протекает жизнь земная;
Тропы новые вия.
Годы, скрытые от взгляда,
Станут чьим-то листопадом,
Чьей-то болью и тщетой,
Чьим-то домом с тихим садом,
Чьей-то памятью святой.
И таит земное лоно
Лета будущего крону,
Весен будущих траву,
Лист, которого не трону,
Плод, который не сорву.
1975

* * *

О, были б эти сны и бденья
Лишь пробой голоса и зренья,
Лишь пробой кисти и пера,
Когда лишь робкой светотени
Идет бесшумная игра;
Еще не дали ходу драме.
Оркестр в оркестровой яме
Еще играет вразнобой,
И нету связи меж мирами,
Грядущим, прошлым и тобой;
Еще не вышел в полумраке
Маэстро в дирижерском фраке,
Чтоб в наступившей тишине
Нам показать безмолвным знаком,
Что мы с судьбой наедине.

1975

* * *

Когда звучала сонатина,
Казалось, в мире все едино
И нет начала и конца —
Лишь золотая середина.
Слетали звуки, как пыльца
Летит весной с ветвей ольховых.
И таял звук, рождая новый,
Неповторимый. И финал
Казался не прощальным зовом,
А провозвестником начал.
Так, силой звуков, тоник, пауз
Был побежден вселенский хаос,
Все, что веками намело,
Все, от чего душа спасалась,
Стремясь укрыться под крыло.
Так победил однажды гений.
И все же плод его борений,
Его прозренья сладкий плод
Нас не избавит от мучений,
От тяжких бдений не спасет.
Прозренья Моцарта и Грига
Нам не поможет сбросить ига.
И чтобы озарился путь,
Должны мы собственную лигу
От мига к мигу протянуть.
1975

* * *

Ложатся дни, как чуждые слои,
На подлинник, и редкий, и бесценный.
И что ни день – почти живые сцены
Разлук и встреч, и мелкие бои
За миг удачи, слаженность, успех;
Подобье драм, улыбок и печалей.
И вдруг понять: была лишь там, вначале
Единственная истина из всех.
И безоглядно устремиться к ней,
Туда, где все пронзительно и остро,
Скоблить, счищать ненужный хаос пестрый,
Немало проведя без сна ночей,
Не мешкая на длительном пути,
И обнаружить, кончив труд упорный,
Что подлинник – потрескавшийся, черный
И линии невидимы почти.

1970

* * *

ОРФЕЙ

Не оглянись. Иди вперед.
Всего лишь тень тебя зовет.
Твоей любимой призрак, дух.
Не оглянись. Будь нем и глух.
Коль хочешь к жизни тень вернуть,
Будь нем и глух весь долгий путь
Из тьмы на свет. И прежний вид
Ей на земле вернет Аид.
Но за спиной и стон и плач.
И если ты не глух и зряч,
Не оглянуться нету сил.
Несчастный, кто тебя просил
Умерших жизнью искушать,
Уклад исконный нарушать,
Тревожить вечности покой,
Тянуться к вечности рукой.
Осталась тень среди теней.
Ступай к живым. И плачь по ней.
1976

* * *

Пишу – ни строчки на листе.
Рисую – пусто на холсте.
И плачу, не пролив слезы
Под небом цвета бирюзы.
Мой белый день – дыра, пробел.
Мой добрый гений оробел
И отступился от меня,
И жутко мне средь бела дня.
Пробел... А может, брешь, пролом,
Просвет, явивший окоем,
Счастливый лаз в глухой стене,
И добрый гений внемлет мне?
1976

* * *

Наверно, на птичьих правах
Живется легко и привольно:
Расстаться с птенцами не больно
И дом на любых островах.
А наш изнурителен быт,
Оседлая жизнь трудоемка.
И что ни излука – то ломка,
А ломка разлуку сулит.
Иметь бы такие права,
Усвоить бы птичьи повадки,
Чтоб так же летать без оглядки
И петь «трын-трава, трын-трава».
Но мне говорят – не о том
Поют эти вольные птахи,
И вечно живут они в страхе
За временно слепленный дом.
1976

* * *

Гуси-лебеди летят
И меня с собой уносят.
Коль над пропастью не сбросят,
То на землю возвратят.

Но отныне на века –
Жить на тверди, небу внемля,
И с тоской глядеть на землю,
Подымаясь в облака.
1975

* * *

В час небесного обвала
Все, чего недоставало,
Вдруг польется через край.
День обычный, догорай.
Завтра облачною лавой
Станет этот путь шершавый
И затопят облака
Эту землю. И рука
Тронет то, что только око
Смело тронуть. И «далеко»
Испарится. Только «здесь»
Нам оставив. Только днесь,
А не после и не где-то, –
Будет здесь избыток света.
Будут звезды и лучи;
И от райских врат ключи
Не нужны. Седьмое небо
Станет явственнее хлеба.
И на уровне ключиц
Будут крылья райских птиц.
И пройдет томленье духа
Среди облачного пуха...
Но потянется рука
Отодвинуть облака,
Чтоб оставить хоть полшага
До немислимого блага.
1977

* * *

Все переплавится. Все переплавится.
В облике новом когда-нибудь явится.
Нету кончины. Не верь в одиночество.
Верь только в сладкое это пророчество.
Тот, кто был другом единственным преданным,
Явится снова в обличье неведомом –
Веткой ли, строчкой. И с новой силою
Будет шептать тебе: «Милая, милая...»
1976

* * *

Хоть трудны пути земные,
Нам неведомы иные.
Ничего иного нет.
Только здесь и тьма и свет.
Здесь и поле, и ложбина,
И отчизна, и чужбина.
Здесь и воздух. Здесь и твердь.
Здесь и вечность. Здесь и смерть.
1974

* * *

Не подводи черты.
Не думай об итоге.
Несметных дней гурты
Белеют на дороге.

Гони их пред собой,
Гони к холмам волнистым,
Дорогою любой
К долинам травянистым.

Не верь дурной поре.
А верь, что за долиной
Вдруг вспыхнет на заре
Твой куст неопалимый.
1971

* * *

О, разнотравье, разноцветье.
Лови их солнечною сетью
Иль дождевой – богат улов.
А я ловлю их в сети слов.
И потому неуловимы
Они и проплывают мимо.
И снова сеть моя пуста.
В ней ни травинки, ни листа.
А я хотела, чтоб и в стужу
Кружило все, что нынче кружит,
Чтобы навеки был со мной
Меня пленивший миг земной;
Чтобы июньский луч небесный,
Запутавшись в сети словесной,
Светил, горяч и негасим,
В глухую пору долгих зим;
Чтоб все, что нынче зримо, зряче,
Что нынче и поет и плачет,
А завтра порастет быльем,
Осталось жить в стихе моем.
1975

Лариса Емельяновна Миллер

БЕЗЫМЯННЫЙ ДЕНЬ

М., Советский писатель, 1977

План выпуска 1977 г. № 164

Художник М.В. Эльконина

Редактор В.С. Фогельсон

Худож. редактор В.В. Медведев

Тех. редактор Ф.Г. Шапиро

Корректор И.Ф. Сологуб

ИБ № 715

Сдано в набор 2/III 1977 г., Подписано к печати 20/V 1977 г.

Тираж 10 000 экз.